

Тардъ (G. Tardе).

Въ скоромъ времени мы имѣемъ въ виду помѣстить въ „Ф. Т.“ общий очеркъ современной французской философи во всѣхъ ея главныхъ направленихъ съ характеристикою выдающихся представителей этихъ направлений и ихъ главныхъ сочиненій. Теперь же пока замѣтимъ, что французская философія представляетъ за послѣдніе 15, 20 лѣтъ удивительный подъемъ. Можно смѣло сказать, что она догнала не только англійскую философію, съ которой и всегда у нея было широкое общеніе, но и нѣмецкую, отъ которой она постоянно отставала. Кромѣ того во Франціи появилась за то же время цѣлая плеяда новыхъ, принадлежащихъ къ различнымъ направленіямъ, дѣятелей, труды которыхъ, по всѣмъ отраслямъ философскаго знанія, на столько оригиналны, что въ нихъ есть чему поучиться и англичанамъ, и нѣмцамъ. Изъ среды этихъ новыхъ дѣятелей мы выбираемъ Тарда, уже нѣсколько лѣтъ постоянно дѣйствующаго въ философской литературѣ, и предполагаемъ подробнѣ познакомить нашихъ читателей съ его трудами. Мы выбираемъ прежде другихъ Тарда по слѣдующимъ побужденіямъ. Во первыхъ онъ совершенно неизвѣстенъ въ нашей литературѣ, между тѣмъ какъ представляетъ собою довольно оригинального и послѣдовательного мыслителя, поставившаго совершенно новый принципъ въ области психологіи, послѣдовательно проведенный и приложенный къ различнымъ областямъ явленій духа, напр., къ общественной и экономической; во вторыхъ мы находимъ оригиналными и интересными его соціологическія воззрѣнія и считаемъ полезнымъ познакомить съ ними русскую публику, вообще болѣе интересующуюся философіей общества, чѣмъ другими философскими дисциплинами.

Сперва мы предложимъ читателю теорію Тарда отчасти въ переводаѣ, отчасти въ изложеніи по цѣлому ряду его статей, нѣсколько лѣтъ помѣщаемыхъ во французскомъ журнальѣ: *Revue philosophique*, а потомъ присоединимъ наши замѣчанія объ этихъ теоріяхъ. Начинаемъ наше изложеніе съ основной психологической теоріи Тарда, высказанной въ статьѣ: „*La croyance et le dѣsir et*

la possibilité de leur mesure“ (Увѣренность и желаніе и возможность ихъ измѣренія), помѣщенной въ Revue philosophique 1880 г. №№ 8 и 9.

Въ статьѣ этой Тардъ думаетъ разрѣшить одну изъ важныхъ психологическихъ задачъ, а именно: *приложеніе числа къ психическимъ явленіямъ, или ихъ измѣреніе*. До сихъ поръ известны только попытки измѣренія интенсивности ощущенія, начатыя Беберомъ и Фехнеромъ. Тардъ считаетъ возможнымъ *измѣрять интенсивность увѣренности и желанія*; это измѣреніе тѣмъ болѣе важно, что и самое ощущеніе имѣеть ихъ въ своей основѣ. По этому объяснить эти два психические факта изъ ощущенія, или вообще опредѣлить ихъ черезъ что либо другое, Тардъ считаетъ невозможнымъ, ибо они суть *первоначальные* категоріи или формы, устанавливающія само ощущеніе. Ощущеніе существуетъ въ томъ видѣ, какъ мы его знаемъ, благодаря только тому, что его сырой матеріалъ устанавливается способностью ощущающаго существа утверждать или отрицать (увѣренность) и принимать или отвергать (желаніе) чистое содержаніе ощущенія. Мы можемъ предположить все возможное разнообразіе и перемѣну въ содержаніи ощущеній ощущающихъ существъ (напр. отсутствіе многихъ нашихъ видовъ ощущеній въ какихъ либо изъ простѣйшихъ организмовъ, положимъ, одноклѣточныхъ и въ замѣнѣ того существование ощущенія электричества; или же самыя странныя извращенія ощущенія у психическихъ больныхъ), но никогда не можемъ предположить, чтобы эти существа не ставили это содержаніе, какъ таковое, или не относились къ нему принимая или отвергая, т. е., были бы къ нему абсолютно индифферентны. Увѣренность, желаніе и чистое ощущеніе, по Тарду, точно такие же первоначальные, не сводимые на что либо другое, элементы всяческаго психического явленія, какъ пространство, время и матерія элементы всяческаго матеріального. Подобіе это идетъ такъ далеко, что какъ увѣренность и желаніе составляютъ ясныя и понятныя стороны психического явленія, сравнительно съ неяснымъ ощущеніемъ, такъ пространство и время ясны и понятны въ матеріальномъ мірѣ сравнительно съ качествомъ (химическимъ или физическимъ) матеріи. Подобно идеалу естествовѣденія—свести качества тѣлъ на движение, т. е., на комбинацію пространства и времени (кинематика-),—могъ бы возникнуть и идеалъ психологіи свести ощущенія на увѣренность и желаніе. Увѣренность и желаніе въ положительной и отрицательной формахъ могутъ многообразно комбинироваться съ различными степенями ощущеній и другъ съ другомъ. Эти комбинаціи являются, по Тарду, какъ воспріятіе, воспоминаніе, память, удовольствіе и

страданіе, любовь, ненависть, сознаніе истины и блага и многія другія психическая состоянія. Входя въ эти состоянія всего чаще вмѣстѣ и въ неравныхъ дозахъ, они сообщаютъ имъ характеръ количественный. Между тѣмъ, чистое ощущеніе, если гипотетически отвлечь его отъ массы вплетенныхъ въ него безсознательныхъ сужденій и намѣреній, представляло бы чисто качественную, единственную саму по себѣ въ какой либо опредѣленный моментъ данность, невоспроизводимую, а потому и не способную къ той перемѣнѣ, которая называется увеличеніемъ и уменьшеніемъ. Конечно, въ большинствѣ случаѣ мы не сознаемъ, что увѣренность и желаніе присутствуютъ въ качествѣ основныхъ элементовъ въ этихъ состояніяхъ, но внимательный анализъ вскрываетъ это присутствіе. Самыя важныя и самыя недоступныя анализу понятія какъ, напр., истины, блага, логической необходимости, долга оказываются, по Тарду, сложными комбинаціями вышеозначенныхъ элементовъ. Для поясненія этого положенія возьмемъ одинъ изъ приводимыхъ Тардомъ примѣровъ, возстановляющій, по его мнѣнію, значеніе силлогизма. „Безплодность этого способа разсужденія считали доказанною, но при этомъ не остегались отъ ошибочного смѣшнія искусственнаго силлогизма, развитаго средневѣковыми холастиками, отъ естественнаго силлогизма, постоянно прилагаемаго въ житейской практикѣ и образующагося изъ многочисленныхъ соединеній увѣренности и желанія. Этотъ силлогизмъ сближаетъ не два утвержденія или отрицанія для того, чтобы вывести изъ нихъ третье, какъ то дѣлаетъ школьній силлогизмъ, а соединяетъ либо утвержденіе и хотѣніе, либо непосредственное воспріятіе и сужденіе, либо хотѣніе и образъ (представленіе) и пр.; и вытекающее изъ того сближеніе есть понятіе особаго рода и по истинѣ новое понятіе. Мнѣ сказали, что сейчасъ по близости убить человѣкъ и, на основаніи этого свидѣтельства, я этому вѣрю и тотчасъ же утверждаю; я бѣгу на мѣсто и вижу около трупа человѣка, обрызганнаго кровью и съ ножемъ въ рукѣ; я заключаю, что этотъ человѣкъ есть непремѣнно убийца. Я честолюбивъ и желаю почестей (большая посылка); я узнаю и вѣрю, что обнаруживается удобный случай стать меромъ моей общины (меньшая); заключаю, что я долженъ воспользоваться случаемъ. Я хочу обогатиться; утверждаю, что этотъ не эксплуатируемый водопадъ, находящійся въ моемъ имѣніи, есть источникъ богатства; заключаю, что я долженъ его эксплуатировать. Вся жизнь наполнена такими силлогизмами“.

Подробное развитіе воззрѣній Тарда выражается въ слѣдующихъ отдѣльныхъ тезисахъ. 1) Увѣренность и желаніе, подобно

пространству и времени, суть количества, что сводится къ обратному положенію, что ощущеніе само по себѣ не есть количество. Въ доказательствахъ этого тезиса Тардъ постоянно затрагиваетъ психофизику Фехнера, ибо само ощущеніе, какъ таковое, по его мнѣнію, измѣренію не подлежитъ. Этимъ недоразумѣніемъ и объясняется, по Тарду, тотъ фактъ, что почти всѣ положенія Фехнеровой психофизики въ послѣднее время оспариваются и отвергаются. Измѣренію подлежитъ не ощущеніе, а увѣренность и желаніе, лежащія въ его основе.

Одно изъ доказательствъ тезы Тарда построено въ формѣ такого силлогизма: всякая количественная реальность способна къ внутренней противоположности или допускаетъ положительную и отрицательную сторону; ощущеніе не допускаетъ этого, следовательно, оно не количество. Большую посылку Тардъ поясняетъ на свѣтѣ, теплотѣ, притяженіи, вообще на силахъ, разрѣшающихся въ движениі и выражаяющихся въ противоположныхъ направленияхъ. Меньшую посылку онъ опираеть на опроверженіе Дельбѣфомъ *) гипотезы отрицательныхъ ощущеній, выставленной Фехнеромъ, а кромѣ того указываетъ на „общее затрудненіе видѣть въ кажущихся противоположностяхъ нѣкоторыхъ ощущеній, ассоциирующихся по два, напр., теплое и холодное, бѣлое и черное, горькое и сладкое, гладкое и шероховатое, нѣчто сходное съ положительными и отрицательными выраженіями одного и того же количества. Но бѣлое и черное, теплое и холодное отличаются отъ другихъ впечатлѣній зрѣнія и осозанія только тою специальностью, что они обозначаютъ быстрое повышение или пониженіе физического раздраженія, къ которому привыкли зрѣніе и осозаніе, или же крайній предѣлъ, въ двухъ противоположныхъ направленияхъ, въ области физиологическихъ отправлений этихъ чувствъ, когда эти отправления достигаютъ точки, на которой абсолютное отсутствіе отправления парализуетъ эти чувства, или же напряженное отправление нарушаетъ ихъ. Въ силу знанія объ этихъ внѣшнихъ повышеніяхъ и пониженіяхъ, выражаемыхъ бѣлымъ и чернымъ, теплымъ и холоднымъ, эти ощущенія и кажутся намъ противоположными. Безъ этого они казались бы намъ тѣмъ, что они есть и на самомъ дѣлѣ, т. е. разнородными. Что же касается до разнородности гладкаго и шероховатаго, сладкаго и горькаго, то на ней безполезно дольше настаивать“.

Напротивъ увѣренность и желаніе представляютъ главное свойство количества, несомнѣнныя противоположности, или состоянія

*) См. Revue philosophique 1878 г.

отрицательныя и положительныя. Какъ можно, напр., понять со-
стояніе *абсолютного сомніння*, этого нуля утвержденія и отрицанія,
если мы не поймемъ его, какъ состояніе, въ которомъ склонность
къ утвержденію и отрицанію имѣютъ равную силу и уравновѣши-
ваютъ другъ друга; а это и значитъ признать увѣренность за ко-
личество. Точно также и случаи полнаго *равнодушія* къ чему либо,
послѣ того какъ мы постепенно колебались между смѣняющи-
мися хотѣніемъ и нехотѣніемъ, можно понять только, какъ уста-
новившееся равновѣсіе между тѣмъ и другимъ.

Далѣе Тардъ обращается къ вопросу, существуетъ ли и можетъ
ли существовать средство для измѣреній увѣренности и желанія, а
именно: *мѣра индивидуальная и мѣра коллективная*. Относительно
первой Тардъ указываетъ на ея возможность, хотя и сознается въ от-
сутствіи фактически приложимой къ дѣлу. Такъ, напр., въ области
увѣренности историкъ, вѣря на какомъ либо основаніи показанію
одного свидѣтеля, не смотря на то, что съ нимъ разногласятъ нѣсколько
другихъ, имѣть количественно большее довѣріе, какъ бы вдвое, втрое,
къ первому и сообщаемому имъ фактамъ. Изобрѣтенію и установкѣ
этой мѣры увѣренности и желанія мѣшаеть, по Тарду, то обстоя-
тельство, что для практики жизни не важна и не интересна степень
интенсивности индивидуального мнѣнія или склонности. Такъ
никто не спрашиваетъ эксперта-медика на судѣ, какова степень его
увѣренности, что въ данномъ дѣлѣ существуетъ или не существуетъ
фактъ отравленія; или никто не интересуется степенью вѣры или
невѣрія историка въ существованіе Тезея или Ромула сравниль-
но съ степенью вѣры или невѣрія въ существованіе Кодра и Тарк-
винія Гордаго. На практикѣ важны индивидуальные мнѣнія или
стремленія безотносительно. Гораздо важнѣе въ жизни знать
степень интенсивности вѣрованій или желаній массъ, а потому и
важнѣе вопросъ о возможности коллективной мѣры ихъ. Прежде
всего представляется сомнительна эта возможность въ виду инди-
видуальныхъ различій людей; какъ суммировать всѣ эти различія?
Но Тардъ устраняетъ это сомнѣніе тѣмъ, что эти различія охва-
тываютъ только различіе ощущеній, представлений и вообще всю
качественную сферу, имѣющую въ основѣ ощущенія. Но эти раз-
личія вовсе не касаются увѣренности и желанія: всѣ люди одинаково
разумѣютъ акты согласія или отрицанія (да или нѣть) и хотѣнія и нехотѣнія, если отвлечься отъ безконечно разнообразныхъ
предметовъ этихъ актовъ. Только благодаря указанному безразличію
людей въ этихъ актахъ, при различіи предметовъ, и возможно об-
щеніе и борьба людей, которые были бы невозможны безъ какой
либо общей почвы. Поэтому „тотализацію количествъ увѣренности

или желанія", многихъ различныхъ индивидуумовъ, Тардъ считаетъ не только возможною, но утверждаетъ, что „она была испробована съ полнымъ успѣхомъ и достаточно приблизительностью къ точности. Измѣненіе рыночной цѣны вещей, цифры статистики, и, какъ мы увидимъ, военные успѣхи и неудачи народовъ суть явленія, на которыхъ осуществляется эта тотализація“. Такъ, если дивидендъ получаемый акціонерами какой либо компаніи изъ года въ годъ остается тотъ же, а между тѣмъ акціи той же компаніи продаются по 1500 франковъ, тогда какъ онѣ прежде продавались по 500, то не имѣемъ ли мы право заключать, что довѣріе публики къ прочности и солидности акціонерного предпріятія возрасло втрое. Или когда по статистическимъ изслѣдованіямъ Бертильона въ Нидерландахъ на 1000 холостыхъ отъ 25—30 лѣтъ женятся ежегодно 112 человѣкъ, а на 1000 вдовцевъ женятся во второй разъ 356 человѣкъ, то не въ правѣ ли мы заключить, что желаніе брачной жизни почти втрое сильнѣе у вдовцевъ, чѣмъ у холостыхъ.

Войну считаетъ Тардъ самымъ древнимъ коллективнымъ мѣриломъ увѣренности и желанія. Она есть ничто иное, какъ конфліктъ воль и убѣжденій—двухъ націй. И то, и другое распадается на безчисленное множество частныхъ желаній и увѣренностей, которые различны по своимъ предметамъ, но организуются въ единое цѣлое по окончательной цѣли. Наконецъ, наступаетъ битва, торжественная провѣрка этой воли и убѣжденія; и если двѣ арміи равной силы, обладаютъ равнымъ оружіемъ и военнымъ образованіемъ, то за побѣдившей нужно признать большую силу воли и убѣжденія.

Но если желаніе и увѣренность, какъ количества, входятъ во всѣ психическія состоянія, то представлялось бы великое затрудненіе для измѣренія этихъ послѣднихъ въ томъ случаѣ, если сами эти количества общей мѣры не имѣютъ. Тардъ выходитъ изъ этого затрудненія тѣмъ положеніемъ, что желаніе приводится къ увѣренности и, „по своей природѣ, окончательно поглощается ею“. Желаніе всегда имѣетъ своей цѣлью и предметомъ наибольшую степень увѣренности. Это мнѣніе подкрѣпляется тѣмъ косвеннымъ соображеніемъ, что какое либо maxимум положительного или отрицательного желанія, соединенное съ даннымъ впечатлѣніемъ, есть вещь *весыма рѣдкая*, между тѣмъ, какъ вся наша жизнь непрерывно наполнена увѣренностями (напр., соединенными съ бесчисленными чувственными воспріятіями), которыя практически безконечно велики. Если бы такія же практическіи безконечныя желанія непрерывно наполняли нашу жизнь, то она была бы смѣною невыразимыхъ восторговъ и жесточайшихъ страданій. Всѣ страсти ч-

ловъческія до безконечности увеличивають сумму увѣренностей, между тѣмъ какъ сами параллельно не возрастаютъ; „цивилизація, увеличивая потребности, распредѣляетъ между ними или одинаковый, или же уменьшающійся потокъ страстей“. Громадный сооруженія цивилизациіи (каналы, дороги и т. п.), безчисленныя учрежденія кредита (векселя, акціи, банковые билеты и проч. и проч.) суть не столько аккумулированныя выраженія сильныхъ и неукротимыхъ страстей, сколько безчисленныхъ увѣренностей, практическихъ и научныхъ. Сравнивая силы желанія и увѣренности другъ съ другомъ, Тардъ находитъ, что вторая все растетъ и увеличивается во всѣхъ направленіяхъ, между тѣмъ какъ первая сравнительно ослабѣваетъ или остается стационарною и въ индивидуальной жизни, и въ жизни народовъ. Весь пережитой личный опытъ каждого человѣка разрѣшается не въ усиливающейся бури страстей, а въ огромную массу увѣренностей. Точно также и въ опыте народовъ и человѣчества: вся цивилизациія, вся наука есть ничто иное, какъ осуществившаяся и даже материализовавшаяся въ безчисленныхъ учрежденіяхъ неисчислимая сила увѣренности.

Но это косвенное и *a posteriori*ное доказательство силы увѣренности увеличивающейся до безконечности, сравнительно съ силой желанія, дополняется прямымъ *a priori*мъ. Предметъ нашихъ желаній есть всегда реальность или осуществленіе ощущеній. Но ощущенія сводятся къ безчисленнымъ увѣренностямъ локализациіи, причинности, которые суть ничто иное какъ цѣлая масса безсознательныхъ сужденій, въ которыхъ входятъ и тѣ невоспроизведимыя и элементарнѣйшія сужденія, которыхъ соответствуютъ самыемъ послѣднимъ основамъ того, что аффектируетъ насъ въ ощущеніи, даетъ намъ достовѣрность въ реализаціи желанія во всей его индивидуальной опредѣленности. Такимъ образомъ все наши страсти и желанія и все результаты этихъ страстей (изобрѣтенія, открытия, наука, искусство) ведутъ къ увѣренности, къ знанію и въ немъ разрѣшаются. По этому то, можетъ быть, и существуетъ только одно изъ нашихъ влечений, которое не имѣеть своей противоположности, а именно любопытство или любознательность. Ненависть противоположна любви, честолюбіе скромности и т. д., но можно ли придумать что либо противоположное любопытству. Противо-любопытство также безсмысленно какъ и *противо-пространство*. Но почему же, спрашивается, одна достовѣрность желательнѣе другой, почему, напр., не желаема у осужденного къ смертной казни достовѣрность быть гильотинированнымъ завтра. „Потому что желая прежде всего достовѣрности, мы естественно должны желать самой полной и самой содержательной достовѣр-

ности, т. е., той, которая имѣть своимъ предметомъ возможно большее количество условныхъ достовѣрностей и т. д., такъ чтобы все это вмѣстѣ образовало возможно длиннѣйшую серію достовѣрностей, заключенныхъ однѣ въ другія". Осужденный же на смерть знаетъ, что для него эта серія завтра внезапно прервется, и хотя бы онъ въ остающіеся для него двадцать четыре часа пользовался всѣми богатствами Креза и всей властью Цезаря, разширеніе членовъ этой серіи не вознаградить за ея чрезвычайную краткость.

„Дѣйствительно, человѣческое желаніе никогда не останавливается и не будетъ останавливаться ни на чемъ, кромѣ какъ на достовѣрности, которую оно считаетъ способной развиваться въ безконечную серію другихъ возможныхъ достовѣрностей. Эти возможные достовѣрности двухъ родовъ: одни признаваемыя *моими*, другіе *не моими*. Эти послѣднія называются реальностями, вещами; первыя же, я называю моими способностями, моими силами, моими надеждами, моими правами, моими *ожиданіями*, какъ говорить Бентамъ. Требованіе максимальной достовѣрности такимъ образомъ распадается на потребность истины и потребность безопасности".

Первая потребность могла бы имѣть полное удовлетвореніе только въ абсолютно законченной и бесконечной наукѣ, что невозможно, а пока въ большинствѣ случаевъ замѣною этого удовлетворенія служить религіозная вѣра во всевѣденіе Божіе, къ которому пріобщится всякий, заслужившій вѣчное спасеніе. Вторая потребность могла бы быть удовлетворена только сознаніемъ безграничнаго могущества и бесконечной жизни, а потому, до извѣстной степени, успокаивается на вѣрѣ въ бессмертіе души. Отсюда слѣдуетъ, что нѣтъ надобности въ общей мѣрѣ желанія и увѣренности, такъ какъ всѣ желанія отдѣльного ли человѣка или народа приводятъ къ увеличенію его увѣренности или вѣры въ двухъ формахъ: увѣренности въ тѣсномъ смыслѣ и довѣріи. („Сroyance prоргемент dite et confiance“). „Увеличивать и укрѣплять сумму человѣческой увѣренности всегда значить отвѣтывать на наибольшее желаніе если не настоящаго, то будущаго человѣчества. Настоящій господинъ людей не тотъ, кого они больше любятъ и который имъ больше нравится, но тотъ, который ихъ больше всего научаетъ и успокаиваетъ: въ наше время это, съ одной стороны, великий профессоръ, великий создатель новыхъ наукъ, а съ другой великий государственный человѣкъ. Первый долженъ отвѣтывать на соціальную или индивидуальную потребность истины, другой на соціальную или индивидуальную потребность безопасности. Этотъ послѣдній охраняетъ значительную сумму национальной увѣренности,

заключающейся въ нашихъ различныхъ правахъ. Онъ можетъ ее укрѣпить и разспирить, или съузить и пошатнуть. Съузить ее—это все равно, что ослабить зрѣніе и притупить чувство осознанія, а слѣдовательно ослабить вѣрность, точность и количество сужденій локализаціи и другихъ свойственныхъ этимъ чувствамъ. Расширить ее—это все равно, что усилить зрѣніе телескопомъ, а слухъ телефономъ. Успокаивающій государственный человѣкъ дополняетъ дѣло научающаго профессора. Задача первого столь велика, что ему не приходится вмѣшиваться въ дѣло второго. Онъ долженъ увеличивать древнее наслѣдіе народныхъ достовѣрностей не въ формѣ научныхъ знаній, а въ формѣ возможно большаго уваженія къ древнимъ правамъ, согласно совѣту Бентама, (*Traité de legislat.* 1 р. 261 и сл.) и въ формѣ медленно создаваемыхъ новыхъ правъ. Но отчего соціальный прогрессъ долженъ быть, насколько возможно, постепеннымъ? Бентамъ отвѣчаетъ на это указаніемъ на неосновательную причину. Прогрессъ долженъ быть постепеннымъ, по его мнѣнію, потому что страданіе отъ обманутаго ожиданія гораздо живѣе ощущается человѣкомъ, лишеннымъ пріобрѣтенного права, чѣмъ неожиданное удовольствіе отъ пріобрѣтенія чужой собственности у счастливаго узурпатора: допуская это, законодатель произвелъ бы въ результатѣ алгебраического счета всѣхъ удовольствій и страданій излишекъ страданія. Но вѣрно ли это? Причина приводимая эволюціонистами нисколько не лучше. Они не любятъ революцій, потому что формула эволюціонизма не допускаетъ ихъ, такъ какъ отъ того пострадала бы ихъ отождествленіе общества съ организмомъ. Они заимствуютъ у Жозефа де Местра блестящее заблужденіе, заключающееся въ той мысли, что всякий институтъ есть дѣло анонимное и что исполненіе, хотя бы медленное и постепенное, какого либо систематического плана соціального переустройства, порожденного ехъ *abrupto* индивидуальнымъ умомъ, есть ничто иное, какъ химера и мечта. Но, тѣмъ не менѣе очевидно, что всѣ соціальные модификаціи, крупныя или мелкія, въ сущности истекаютъ изъ индивидуальныхъ инициативъ, изъ болѣе или менѣе разрозненныхъ обрывковъ личныхъ плановъ. По нашему мнѣнію, настояще основаніе, почему нужно уважать ожиданіе и оберегать пріобрѣтеныя права даже и тогда, когда имѣешь въ виду выполненіе широкой и точной личной программы, состоитъ въ томъ, что, при слишкомъ рѣзкихъ способахъ выполнения, пойдешь противъ самой преобразовательной цѣли. Всякое желаніе преобразованія имѣеть предметомъ соціальное *состояніе*, еще неизвѣстную устойчивость, или еще неизданное *corpus juris*. Но, вѣдь, легче уничтожить довѣrie, безъ котораго

не возможно никакое право, чѣмъ возстановить его, точно также какъ легче возбудить потребности, чѣмъ сдержать ихъ. По этому мгновенно приводить въ исполненіе радикальную программу, какъ бы она ни была прекрасна и привлекательна, это значитъ изсушить источникъ, которому хотятъ дать иное направление, источникъ вѣры, довѣрія, безъ которого невозможно установить то, о чѣмъ мы мечтаемъ въ нашей програмѣ; это значитъ, разбить свой стаканъ прежде, чѣмъ изъ него напиться".

Далѣе, въ *Revue Philosophique* 1881 г. №№ 9 и 10, слѣдуетъ у Тарда статья: „*La psychologie en économie politique*“ (Психологія въ политической экономії), гдѣ онъ дѣлаетъ приложеніе вышеизложеній теоріи къ политической экономії, приложеніе, имѣющее цѣлью доказать господство желанія и увѣренности въ ея области, или, такъ сказать, въ *экономическо-психологическомъ сознаніи*. Но статья эта, по трудности излагаемыхъ въ ней понятій и по своеобразности способа изложенія, а часто и по оригинальности мысли Тарда, неудобна для передачи ея въ сжатомъ изложеніи, а потому мы принуждены перевести ее *почти цѣликомъ*.

По мнѣнію Тарда, то, что въ политической экономії считается способнымъ возрастать и уменьшаться, напр., кредитъ, трудъ, капиталъ, цѣнность, вовсе не суть настоящія количества, хотя и заключаются въ себѣ нечто количественное, а потому между экономистами общеупотребительны выраженія обѣ ограничений или расширений кредита, обѣ увеличеній и уменьшеній богатства, благосостоянія и т. п. Но, вѣдь, все это вещи, представляющія собраніе разнороднаго (напр., трудъ—собраніе мускульныхъ или нервныхъ силъ, капиталъ—собраніе разнороднѣйшихъ вещей и запасовъ; кредитъ—группа актовъ довѣрія и пр.), а потому и спрашивается, что же такое однородное и сравнимое включено въ нихъ, въ силу чего они могутъ быть большими и меньшими т. е., количествами. На это утилитарная экономія отвѣчаетъ указаніемъ на различныя степени недовольства и наслажденія, соединенные съ этими вещами. Экономіческій идеалъ по ея мнѣнію, состоить въ полученіи наибольшаго наслажденія съ наименьшимъ усиліемъ, т. е., недовольствомъ.

Но это объясненіе не годится: въ удовольствіи и недовольствѣ очевиденъ качественный характеръ, не подлежащій *измѣренію*.

Удовольствіе есть ничто иное, „какъ качество ощущенія въ смыслѣ *желаемаго*, а недовольство—качество ощущенія въ смыслѣ *отвергаемаго*; это можно считать несомнѣннымъ“. Но возможно, что при дальнѣйшемъ анализѣ, „въ удовольствіи или недовольствѣ, физическихъ и нравственныхъ, мы точно также увидали бы

ничто иное, какъ постоянно и безконечно чередующіяся *повышение* и *понижение* нашей *впры въ самихъ себя*, въ нашу цѣнность, въ наше могущество, въ нашу енергію, физическую или моральную, индивидуальную и общественную". Этими словами Тардъ хочетъ сказать, что основныя понятія удовольствія и недовольства, къ которымъ сводятся другія понятія политической экономіи, не могутъ служить ея фундаментомъ, какъ науки, ибо нѣтъ науки о неимѣющемъ общей мѣры качественномъ, какъ таковомъ, а что въ основу ея должны лечь подлежащія измѣренію *желаніе и увѣренность*, входящіе какъ въ удовольствіе и недовольство, такъ и вообще въ экономическое сознаніе.

„До тѣхъ поръ, говорить Тардъ, пока будуть упорствовать въ обосновкѣ политической экономіи на двусмысленномъ понятіи *услугъ* *), *удовлетвореній* (*satisfactions*), которое, какъ я настаиваю, представляетъ желаніе и увѣренность, комбинированные съ несходными между собой элементами ощущеній и которыхъ разнородность особенно выступаетъ въ области этой науки, до тѣхъ поръ она будетъ рѣшительно неспособна къ философскому развитію".

Мнѣніе, что политическая экономія можетъ быть наукой, только благодаря измѣримости, хотя бы, въ слѣдствіе практическихъ затрудненій, не точной и приблизительной, желанія и увѣренности, входящихъ въ понятія политической экономіи (удовольствіе и недовольство, богатство, трудъ и т. п.) развивается Тардомъ въ трехъ пунктахъ: а) *теорія цѣнности*, б) *изобрѣтеніе и подражаніе* и с) *экономический идеалъ*.

Теорія цѣнности. „Что такое цѣнность? Въ чёмъ разнится она отъ цѣны и отъ простой полезности. Это важный и запутанный вопросъ, по поводу которого экономисты съ своими известными пустыми различеніями спроса и предложенія, труда и капитала и т. п. распространяли много громкихъ словъ, но мало ясныхъ понятій.

Къ счастію, теперь говорятъ о законѣ спроса и предложенія только по старой памяти. Г. Лероа Больё относится нѣсколько наскѣчливо къ нему въ своемъ послѣднемъ сочиненіи, а болѣе сорока лѣтъ тому назадъ Курно *incognito* совсѣмъ похоронилъ его. Говорить ли намъ о теоріи Бастіа, который цѣнность измѣряетъ оказанной услугой? Это очень неясно, оказанная услуга иногда означаетъ устранившее усиление, иногда доставленное удовольствіе, и прежде чѣмъ соединять въ одно понятіе удовольствіе и

*) Эта же напр., терминъ двусмысленъ въ томъ отношеніи, что онъ можетъ выражать иныхъ, чѣмъ экономическихъ отношенія, а именно: симпатическая (чувствовательная) и нравственная.

усиліе, нужно бы доказать, что у нихъ есть нечто общее и что именно. Будемъ ли мы различать съ Стюартомъ Миллемъ три или четыре рода продуктовъ, а именно: тѣ, количество которыхъ ограничено природой вещей, и тѣ, количество которыхъ можетъ неопределенно увеличиваться или безъ постепенного увеличенія, или съ постепеннымъ увеличеніемъ стоимости производства (земледѣліе), или съ постепеннымъ уменьшеніемъ расходовъ (фабричное производство), *) и будемъ ли мы формулировать, для каждого изъ этихъ родовъ, особый законъ цѣнности, опредѣляемый здѣсь стоимостью производства, тамъ необходимостью уравненія спроса и предложенія? Но, вѣдь, постепенно переходишь отъ одного рода къ другому! Слѣдовательно, нужно создавать специальный законъ для каждого предмета, а это значило бы сказать что вовсе не можетъ быть закона. Особенно глубокими, хотя и не полными кажется намъ замѣчанія Стюарта Милля относительно вліянія обычая на цѣны. Онъ рассматриваетъ это вліяніе какъ аномалію, которая должна исчезнуть, но мы, увидимъ, что это не такъ".

"Подойдемъ теперь къ тому, какъ мы понимаемъ цѣнность. Прежде всего, цѣнность предмета зависитъ: 1-е) отъ интенсивности увѣренности, съ которой считаютъ предметъ годнымъ для удовлетворенія потребности, для осуществленія воли, 2-е) отъ интенсивности желанія, выраженіемъ котораго служить потребность, или которое сознательно предпочитено волею изъ многихъ другихъ, признанныхъ низшими. Но этого не достаточно. Здѣсь слѣдуетъ сдѣлать замѣчаніе, что и въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, увеличеніе количества желанія можетъ быть уравновѣшено (compenser) уменьшеніемъ количества вѣры или обратно. Два цѣлебныхъ источника могутъ имѣть одинаковую цѣнность (здѣсь цѣнность все еще еще синонимъ полезности), если одинъ признается безусловно годнымъ для излеченія легкой болѣзни, какъ напр. горловой, а другому приписываютъ, но не безъ спора, некоторую цѣлебность въ болѣе важныхъ болѣзняхъ, какъ, напр., въ хроническомъ бронхитѣ. Или когда говорятъ, что барышни предпринимателя служатъ отчасти вознагражденіемъ за рискъ, которому онъ подвергался, то этимъ самымъ признаютъ справедливость, установленной мною компенсаціи между менѣшей вѣрой и большимъ желаніемъ. Болѣе живое желаніе, возбуждаемое въ сердцѣ предпринимателя приятнымъ представлениемъ дохода большаго, чѣмъ до-

*) Неизвѣстно, почему С. Милль проходитъ молчаніемъ эту послѣднюю категорію, важнѣйшую изъ всѣхъ.

ходъ рабочихъ, утѣшаетъ его въ менышеї увѣренности въ успѣхѣ предпріятія, сравнительно съ увѣренностью рабочихъ въ получении своей заработной платы. И обратно; акціонеры анонимныхъ компаний рисуютъ мало вообще при *малыхъ* шансахъ выиграть *много*. Безъ этого *много* таковыя общества не могли бы и возникнуть. Въ моментъ выпуска акцій для прорытія Суэзскаго канала, акціонеры, внося деньги, дѣлали простой выводъ изъ естественнаго силлогизма, въ которомъ болышеї посылкой было всеобщее и глубокое желаніе ускоренного и удешевленнаго плаванія, а меныша посылка заключалась въ вѣрѣ Г. Лессепса въ возможность осуществленія его плана, вѣрѣ, которая вообще была менѣе глубока и ослабѣвала при распространеніи въ публикѣ. Тоже обнаруживается и, напр., въ сравнительной цѣнѣ дѣственной почвы, на которую мало желающихъ и которая продается по 16 франковъ за гектаръ въ Соединенныхъ Штатахъ, и земли въ нашихъ большихъ городахъ, на которую масса желающихъ и которая продается по 2000 франковъ за квадратный метръ; или во внезапномъ упадкѣ цѣнъ всѣхъ искусственныхъ предметовъ въ странахъ, опустошенныхъ сильной эпидеміей, притупляющей желаніе къ нимъ; и наоборотъ, въ увеличеніи цѣнности всѣхъ естественныхъ и фабричныхъ производствъ, происходящемъ отъ увеличенія народнаго здоровья, сопровождаемаго усиленіемъ желаній: всѣ эти факты достаточно указываютъ на роль желанія въ образованіи цѣнности. Они указываютъ также, вопреки С. Миллю, что можетъ быть общее повышение или понижение цѣнности. Другіе же факты указываютъ не менѣе ясно на важную роль увѣренности. Извѣстно, что стоитъ общественной безопасности укрѣпиться или пошатнуться, и кредитъ государства расширяется или понижается, и государство или богатѣетъ или раззоряется. По Рошеру, въ XVIII вѣкѣ, во Франціи были инспектора, которые официально удостовѣряли количество алкоголя въ водкѣ, предназначаемой къ вывозу, чего не было въ Испаніи; а потому, несмотря на расходы на пошлину и транзитъ, изъ Испаніи во Францію вывозили массу водки, предназначаемой для потребленія въ Испаніи, единственно для того, чтобы она пріобрѣла ту *излишнюю цѣнность* (весъма высокую въ слѣдствіе тѣхъ расходовъ), которую она получала въ силу этой официальной аттестаціи. Развѣ докторскій дипломъ, говоря безъ ироніи, не повышаетъ значительно цѣнность человѣка".

"До сихъ поръ мы рассматривали цѣнность въ смыслѣ полезности. Всякій одушевленный или неодушевленный предметъ, который вызываетъ специальное желаніе многихъ лицъ, имѣетъ цѣнность въ широкомъ значеніи этого слова. Но, по тѣсному смыслу

слова, предполагается кромъ того, что эта вещь или это лицо вполнѣ продажны, подлежатъ обмѣну, что цѣна ея опредѣлена конкуренціей покупателей, которые возвышаютъ цѣну, пока не явится одинъ, кто купитъ ее за одну изъ требуемыхъ цѣнъ; это возвышеніе цѣны предполагаетъ неравенство состояній и желаній; но мы еще къ этому вернемся. Такимъ образомъ опредѣлившаяся цѣна не есть справедливая (*juste*) цѣна (о которой мы скажемъ далѣе), но устойчивая и нормальная цѣна. Дѣйствительно это та цѣна, которая опредѣляетъ не равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ, т. е. смутными желаніями продать и смутными желаніями купить, но равновѣсіе между количествомъ продаваемыхъ предметовъ и количествомъ лицъ, рѣшающихся ихъ купить: ибо, смотря по тому, подымается или понижается цѣна, количество возможныхъ покупателей уменьшается или увеличивается, и есть только одна цѣна изъ тысячи возможныхъ, которая дѣлаетъ это число покупателей равнымъ именно числу продаваемыхъ предметовъ".

"Какъ только этотъ вопросъ разрѣшенъ и цѣна установлена, большее или меньшее желаніе, влеченіе, или удовольствіе, съ которымъ покупаютъ, не важно для экономиста. Но желаніе имѣть большое значеніе при установкѣ цѣны. Производитель прежде чѣмъ предложить свою цѣну, принимаетъ въ соображеніе даже количество того неопределенного желанія купить, которое порождается и въ сердцахъ неимущаго при видѣ богатыхъ выставокъ въ витринахъ. Если бы были термометры, опредѣляющіе общее желаніе, тогда не нужно было бы и торговаться. Да оно почти и бесполезно тамъ, где потребитель и фабрикантъ, благодаря легкости сообщеній, имѣютъ одинаково вѣрныя свѣденія о повышеніи и пониженіи цѣнъ, или объ общемъ увеличеніи или уменьшеніи вкуса публики къ извѣстному предмету моды".

Что же касается до числа покупателей, то "вопреки существующему предразсудку" само по себѣ оно, думаетъ Тардъ, "несколько не вліяетъ на цѣну. Число тѣхъ, которымъ желательнъ предметъ, вліяетъ на его цѣну только косвенно, расширяя сближеніе самыхъ большихъ и самыхъ малыхъ состояній, а также сильныхъ и слабыхъ желаній и возбуждая духъ соперничества и соревнованія. Какъ бы ни было мало государство, но когда въ немъ очень значительно неравенство состояній, то предметы рѣдкіе цѣняются страшно высоко; съ другой стороны какъ бы ни было велико государство, но когда въ немъ состоянія уравниваются, то необычайность и исключительность цѣнъ исчезаетъ, такъ что это можетъ служить мѣриломъ такого уравненія состояній. Если за старые переплеты платятъ 2000, 3000, 4000 франковъ, то это ука-

зываеть не на то, что существуетъ много библіомановъ, которые ихъ оспаривають другъ у друга, но что есть нѣсколько богачей библіомановъ (можетъ быть ихъ всего только двое), которые не имѣютъ другой какой либо прихоти, столь же или болѣе привлекательной для нихъ, которую бы они могли удовлетворить на ту же сумму, чѣмъ та, которую они удовлетворяютъ, несмотря на всю ея пустоту. Прежде нежели рѣшиться, любитель представилъ себѣ въ своемъ воображеніи всѣ тѣ прихоти, которыхъ онъ желалъ бы удовлетворить; онъ безсознательно взвѣсилъ ихъ на не видимыхъ вѣсахъ своего сознанія и нашелъ, что желаніе обладать этой рѣдкостью, не представляющей ничего художественного, было самое вѣжкое".

Идетъ ли соціальная эволюція, какъ доказывается, напр., Лерроа-Болье, къ уравненію положеній и состояній и далѣе къ тождеству желаній, вкусовъ, даже прихотей, или же эти различія останутся по прежнему, во всякомъ случаѣ, по Тарду, „неравенство состояній и душевныхъ настроеній нисколько не мѣшаетъ тому, что устойчивая и нормальная цѣна вполнѣ опредѣляется *психологическою конкуренціей* желаній и увѣренностей, а не *конкуренціей покупателей*".

„Теперь спрашивается, каково вліяніе конкуренціи производителей и продавцевъ между собой на опредѣленіе цѣны? Правда ли, что эта конкуренція ведетъ къ понижению цѣнъ до крайняго предѣла, опредѣляемаго наименьшей стоимостью производства сходныхъ предметовъ, такъ что этому предѣлу соотвѣтствовала бы единственная нормальная и устойчивая цѣна, единственная справедливая цѣна? Нѣтъ! Конечно, при предположеніи, что привилегіи земледѣльческаго или мануфактурнаго положенія были бы уничтожены, что ни одинъ продуктъ не былъ бы въ ограниченномъ, неспособномъ къ увеличенію количества, а что всѣ продукты могли бы расширять свое развитіе вполнѣ легко безъ пропорціонального увеличенія расходовъ, что таланты предпринимателей, ловкость рабочихъ, средства и орудія производства были бы равны, что наконецъ всѣ улучшенные способы производства были бы открыты и известны всѣмъ конкурентамъ, при этомъ фантастическомъ предположеніи, безграничное соперничество производителей, доведенное до крайности, могло бы понизить цѣну почти до указанного предѣла. Но зачѣмъ предполагать разомъ столько невозможностей, какъ будто онъ составляютъ обыкновенное явленіе. Въ то время, когда этотъ идеалъ экономистовъ, казалось, приближался къ намъ, посмотрите, какъ воздвигаются наши громадные магазины, нѣчто въ родѣ коммерческихъ китовъ, поглощающихъ всѣхъ нашихъ мелкихъ торговцевъ. Да и какое дѣло покупателю до большаго или

меньшаго труда, до большаго или меньшаго усиля, представляемаго какимъ либо товаромъ? Это усиление было желаниемъ, котораго уже нѣть. Увѣренность въ его полезности, источникъ этого усиля, было вѣрованіемъ, котораго уже нѣть. Будемъ говорить о настоящемъ желаніи, единственно реальному желаніи имѣть известныя выгоды, и объ единственno реальной увѣренности данной минуты, что такая то вещь способна осуществить эти выгоды. Вотъ источники цѣнности. Въ городѣ старые дома, постройка которыхъ стоила очень дешево, продаются инимаются за ту же цѣну, что и новые дома, и даже дороже, если они находятся въ болѣе центральномъ кварталѣ. Продукты земель легко обрабатываемыхъ продаются за ту же цѣну, что и продукты почвъ самыхъ неблагодарныхъ".

Развѣ цѣна перестаетъ быть правильной, когда она назначается изобрѣтателемъ, эксплуатирующемъ свое собственное изобрѣтеніе? Конечно, цѣна можетъ быть устойчива, хотя бы она и много превышала стоимость производства. Она и бываетъ таковой, какъ скоро она немного ниже цѣны соперниковъ, которые, производя съ большимъ расходомъ, не могутъ понизить своей безъ убытка. Разница можетъ быть громадною между расходами фабриканта, имѣющаго привилегію, или болѣе искуснаго, и расходами конкурентовъ. Торжествующій производитель, освободившись отъ своихъ противниковъ, имѣеть въ своемъ распоряженіи всю эту разницу въ цѣнѣ, чтобы самому опредѣлить цѣну, сообразно закону своего возможно большаго барыша. Но съ чѣмъ же сообразуется онъ въ этомъ случаѣ? Онъ сообразуется только съ тѣмъ, что онъ знаетъ о глубинѣ и обширности того вкуса публики, которому отвѣчаютъ его продукты, и съ тѣмъ, что онъ знаетъ объ общественномъ богатствѣ и о его болѣе или менѣе неравномъ распредѣленіи. Если бы всѣ вкусы и всѣ состоянія были равны, цѣна не измѣнялась бы, какъ бы ни былъ широкъ рынокъ, какое бы ни было число его покупателей. Нашему монополисту достаточно было бы читать въ одномъ сердцѣ силу его желаній чтобы прочесть ее во всѣхъ сердцахъ. Но такъ какъ состоянія и вкусы различны, то проницательность его должна быть сложнѣе и тоныше. Если его производство ограничено, напр., производство вина или бумажныхъ тканей, по причинѣ недостаточнаго привоза хлопка и т. под., то онъ разсуждаетъ или долженъ разсуждать такъ. „Я имѣю для продажи 1000 предметовъ; рынокъ мой состоитъ изъ ста тысячъ человѣкъ, доходъ которыхъ колеблется между тысячию франковъ и миллиономъ. Но цѣна моя должна быть одна и та же для всѣхъ, для богатыхъ и бѣдныхъ. По истинѣ, это несправед-

ливость, вопиющая, но неизбежная несправедливость, установленная привычками и нравами. Отчего я не могу выдѣлить каждого богатого покупателя, держать его въ невѣдѣніи цѣны, за которую его менѣе богатый или бѣдный сосѣдъ покупаетъ тотъ же предметъ, и наложить на него особенную цѣну? Высшая цѣна, которую бы онъ далъ, была бы та цѣна, при которой почти уничтожился бы перевѣсъ его желанія: имѣть мой товаръ, надѣ различными желаніями, которыя онъ могъ бы удовлетворить на ту же сумму и которыми онъ долженъ пожертвовать. Въ ту минуту, когда онъ будетъ покупать почти съ сожалѣніемъ, въ немъ будетъ происходить борьба желаній или потребностей, среди которыхъ желаніе или потребность въ моемъ товарѣ едва, едва, превысила бы другое. Къ несчастію, повторяю я, моя цѣна должна быть неизмѣнна, и должна быть такова, чтобы въ тысячи сердцахъ изъ ста тысячъ, борьба, о которой я говорю, была бы въ пользу того специального желанія, которому удовлетворяетъ мой товаръ. Эта борьба будетъ дѣйствительно сильна только у бѣдныхъ изъ числа этихъ ста тысячъ; что же касается до другихъ, то чѣмъ богаче они будутъ, тѣмъ менѣе значительны будутъ желанія, съ которыми то желаніе будетъ бороться, такъ какъ лишенія вызванныя расходомъ на нихъ, если только это можно назвать лишеніями, будутъ все незначительнѣе и легче. Для нихъ нѣть затрудненій, буду ли я цѣнить предметъ на нѣсколько сантимовъ или франковъ дороже; они отъ меня не уйдутъ. А потому я долженъ позаботиться о бѣднѣйшихъ изъ этихъ ста тысячъ, которые мнѣ нужны. Превозможетъ ли у нихъ желаніе, на которое отвѣчаетъ мой продуктъ, надѣ другими желаніями, которыя они могли бы удовлетворить, если я повышу мою цѣну на нѣсколько сантимовъ или франковъ? вотъ въ чёмъ вопросъ".

"Если бы дѣло шло о продуктѣ, производство которого неограничено, вопросъ усложнился бы, потому что онъ заключалъ бы два неизвѣстныхъ, образующихъ функцию одинъ другаго, а именно: наивыгоднѣйшую цѣну, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, и кромѣ того количество продукта, соответствующаго этой наивыгоднѣйшей цѣнѣ. Но даннаго остались бы тѣ же. Не нужно никогда забывать, что желаніе купить предметъ есть, такъ сказать, остатокъ вычитанія, т. е., излишекъ желанія пріобрѣсть предметъ надѣ сожалѣніемъ разстаться съ деньгами, которыя онъ стоитъ. Тутъ есть положительное и отрицательное желаніе, и второе, до нѣкоторой степени, парализуетъ первое; по крайней мѣрѣ, въ продолженіи нѣкотораго времени: ибо, послѣ покупки, истраченныя день-

ги, какъ уже несуществующія, забываются, а наличность предмета постоянно поддерживаетъ желаніе владѣть имъ”.

„И такъ, настоящая конкуренція, которой должны были бы заняться экономисты теоретики, не конкуренція потребителей и производителей, но конкуренція желаній и увѣренностей въ каждомъ отдельномъ потребителѣ. Привести всѣ экономические вопросы, какіе бы они ни были, къ *уравненію* желаній или увѣренностей: таковъ нашъ методъ“.

„Во всемъ сказанномъ я устранилъ невѣроятную гипотезу, столь дорогую экономистамъ, по которой, если исчезнутъ всѣ привилегіи положенія и другія и если конкуренція между фабрикантами будетъ свободна, то она вліяла бы на цѣну въ направлении ея пониженія. Но спрашивается: при этой гипотезѣ, вышеупомянутая теорія цѣнности—если только она теорія—окажется ли непримѣжимою въ своей существенной части и нужно ли думать, что понижение цѣнности дойдетъ до крайняго предѣла, опредѣляемаго стоимостью производства или около того? Нѣтъ! Во первыхъ, если уже дѣло пошло на предположенія, то почему не сдѣлать послѣдняго и не менѣе вѣроятнаго, а именно, что производители ради своего общаго интереса условятся держаться всѣ вмѣстѣ на извѣстномъ предѣлѣ столь пагубнаго пониженія цѣнъ? Тогда установилось бы нѣчто въ родѣ колективной монополіи и мы бы вернулись къ тому нормальному положенію, когда производитель самъ назначаетъ цѣну своего продукта, сообразно закону своего высшаго барыша. Вмѣсто одного производителя ихъ было бы 10, 100, 1000, которые спрашивали бы себя, до какой точки, *сообразно съ большей или меньшей силой вкусовъ публики*, должно дойти увеличеніе количества покупателей, полученное посредствомъ уменьшенія цѣны продаваемаго товара, чтобы оно доставило увеличеніе чистаго барыша. И они сообща удержали бы цѣну на этой точкѣ“.

„Но допустимъ, что угодно: положимъ, что соглашенія продавцевъ не будетъ. На сколько можетъ сама по себѣ понизиться цѣна продукта? Она не понизится до стоимости производства, но до той степени, на которой барышъ производителей былъ бы меньшій (иначе говоря, менѣе желательный), нежели барыши, которые они могли бы получить, предаваясь производству другаго рода. Здѣсь конкуренція желаній, основа цѣны, происходила бы въ сердцѣ производителей, а не потребителей. Но объясненіе остается тоже“.

„Хотя, какъ мы сказали, цѣна вообще опредѣляется фабрикантомъ, который всегда болѣе или менѣе монополистъ, но иногда случается, что вынужденный продавать быстро и ликвидировать

свое положение, продавецъ оказывается совершенно въ рукахъ публики. Тогда потребитель устанавливаетъ свою цѣну. Но онъ это дѣлаетъ, сообразуясь всегда, не рѣдко не подозрѣвая этого, съ моей точкой зрења. Онъ предлагаетъ самую низкую цѣну, которую продавецъ можетъ предпочесть не продажѣ товара, т. е., такую цѣну, что если бы она была, хотя не много, понижена, то продавецъ пересталъ бы желать продать вещь“.

„Это опредѣленіе устойчивой цѣны, или настоящей цѣнности предметовъ отъ внутренняго и незамѣтнаго взвѣшиванія психологическихъ величинъ до того въ природѣ вещей, что необходимость его осталась бы въ своей силѣ даже при гипотезѣ самыхъ полныхъ соціальныхъ измѣненій, о которыхъ мечтаетъ самый смѣлый коммунистъ. Возстаютъ противъ городской земельной ренты, противъ непомѣрной высоты наемной платы и надѣются, что это исчезнетъ при коммунизмѣ. Но еслибъ государство было собственникомъ всѣхъ домовъ въ Парижѣ, то, не смотря на полное желаніе вообще понизить цѣну квартиръ и уравнить ее, оно не замедлило бы ихъ повысить, чтобы положить предѣлъ наплыву иностранцевъ и жителей провинціи, и сдѣлать ихъ неравными, чтобы помѣшать стремлению всѣхъ парижанъ занять лучшія части города. Можно судить объ этомъ, какъ угодно, но, когда дѣло идетъ о предметахъ, находящихся въ маломъ количествѣ и составляющихъ предметъ желанія многихъ, то нельзя прийти къ уравненію между предметами, подлежащими продажѣ или дару, и покупателями или претендентами на полученіе дара иначе, какъ посредствомъ повышенія цѣны или условій дара. Неужели, было бы предпочтительне и справедливѣе, чтобы среди многочисленныхъ конкурентовъ, стремящихся занять туже великолѣпную квартиру за дешевую цѣну, государство произвольно избрало своего фаворита? Но тогда предѣлъ, на которомъ бы остановилось—безразлично, какъ для нисколько не заинтересованного государства, такъ и для алчныхъ частныхъ продавцовъ—необходимое повышеніе цѣнъ, или условій, былъ бы какъ разъ тотъ самый, при которомъ уже не было бы достаточнаго количества кандидатовъ, которые почли бы выгоднымъ принять эти условія и цѣны, взвѣшивши всѣ свои различныя желанія иувѣренности въ полезности тѣхъ и другихъ предметовъ“.

„Все предыдущее относится къ цѣнѣ, которую я назвалъ устойчивой и нормальной и которую, быть можетъ, слѣдовало бы назвать естественной и вынужденной. Теперь скажемъ два слова о справедливой цѣнѣ. Установлена ли цѣна продавцемъ или рабочимъ, покупателемъ или хозяиномъ, во всѣхъ случаяхъ цѣна, или же зароботная плата можетъ быть устойчивой, не будучи справедливой. Справедливая

шивается, когда же она становится справедливой? Тогда ли, когда она опредѣляется согласіемъ воль послѣ свободнаго обсужденія? Но очень рѣдко осуществляются условія этой полной справедливости. Кромѣ того, если и допустить ихъ осуществленіе, то почему бы согласіе двухъ воль могло сдѣлать справедливой цѣну, которая безъ этого была бы несправедлива. Даѣе, до этого обсужденія и безъ него, мы никогда не имѣли бы права разсматривать цѣну, какъ справедливую или не справедливую; и нравственное чувство публики, которое такъ часто, такъ энергично протестуетъ противъ несправедливости нѣкоторыхъ принятыхъ ею требованій, оказывалось бы фальшью и фантазіей. Но, если устраниТЬ понятіе свободы и опираться на понятіе равенства, чтобы установить справедливую цѣну, то это, повидимому, будетъ болѣе правильный путь, но все же придется идти ощущью, если не принять нашу точку зренія. Конечно, не можетъ быть и рѣчи о цѣнѣ равной для всѣхъ, тогда всѣ наши современные цѣны оказались бы несправедливыми. Но говорятъ о цѣнѣ пропорціональной труду, или производству, или потребностямъ; все это не понятныя величины, если не разложить ихъ. Итакъ, скажемъ лучше, что цѣна разсматривается, какъ справедливая, безпристрастнымъ зрителемъ, въ глазахъ котораго обѣ стороны находять въ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, равную выгоду, т. е., удовлетвореніе равныхъ, хотя и несходныхъ желаній; или находять равную увѣренность удовлетворить въ концѣ концевъ равная желанія; или же находить неравную увѣренность удовлетворить неравныя желанія, но такъ чтобы было равновѣсіе между большей увѣренностью меньшаго желанія и меньшей увѣренностью большаго желанія. Я не говорю, что зritelъ, котораго предполагаемъ, сознаетъ это психологическое вычисление, которое я ему приписы-ваю, но онъ производитъ его, не подозрѣвая этого".

„Напр., въ кузнѣ, гдѣ только хозяинъ и одинъ работникъ, которые, предположительно, равно искусны и равно прилежны въ работѣ, этотъ зritelъ найдетъ справедливою заработную плату, получаемую работникомъ отъ хозяина, сравнительно съ доходомъ хозяина, если ему покажется, что достаточная увѣренность работника, получить при этой заработной платѣ нѣкоторую степень довольства, уравновѣшиваетъ невѣрную надежду хозяина получить большую степень достаточности. Но если доходы хозяина также обеспечены, какъ и плата работника, то онъ найдетъ несправедливымъ, чтобы прибыль хозяина превышала заработную плату. Конечно, при большой фабрикѣ дѣло будетъ стоять иначе, ибо тамъ одинъ предприниматель иногда содѣйствуетъ производству

своей предусмотрительностью и силой соображения столько же, сколько всѣ рабочие вмѣстѣ. Почему иначе? Потому что здѣсь понятие справедливости усложняется, хотя природа его отъ того не измѣняется. Если можетъ оказаться справедливымъ, чтобы покупатель продукта или услуги нашелъ въ ихъ пріобрѣтеніи выгоду, равную выгода получаемой производителемъ, или рабочимъ при продажѣ, то кажется справедливымъ, чтобы доходы, получаемые отъ продажи, распредѣлились между производителями и рабочими пропорціонально ихъ участію въ общемъ дѣлѣ. А что же это значитъ какъ не то, что усиліе или страхъ, котораго избѣгъ, и удовольствие и увѣренность, которая пріобрѣлъ покупатель продукта или услуги, могутъ быть измѣрены, по крайней мѣрѣ, теоретически. Если отрицать это, то требуемая пропорціональность окажется химерою. Если нужно раздѣлить прибыль, то представляются къ тому два способа: одинъ косвенный и единственный употребляемый до сихъ порь, это *заработка плата* (*le salariat*), какъ говорятъ соціалисты; другой, предлагаемый ими, есть участіе въ барышахъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Такъ какъ всякий продуктъ оплачивается, сообразно услугѣ, которую онъ оказываетъ, а не сообразно труду, котораго онъ стоитъ, то работникъ, производитель, долженъ быть бы, по видимому, получить вознагражденіе пропорціонально услугѣ, которую онъ окажетъ, и которая обнаружится посредствомъ продажи, а не пропорціонально его труду, будущій результатъ котораго (въ какой мѣрѣ онъ полезенъ или бесполезенъ) еще неизвѣстенъ. Но, при этомъ забываютъ, что работникъ не имѣетъ времени ожидать продажи своего продукта, и что участіе въ барышахъ предполагаетъ также участіе въ убыткахъ. Такъ какъ онъ не можетъ согласиться подвергаться этимъ случайностямъ и требуетъ вѣрной, а не вѣроятной уплаты, то долженъ нести и неудобства этой увѣренности, которая ему нужна и выгодами которой онъ пользуется. Вѣроятности, возможности барышей или убытковъ, суть ничто иное, какъ роскошь, доступная тѣмъ, у которыхъ удовлетворены, такъ сказать, абсолютныя и безконечно—сильныя потребности, т. е., желанія, предметомъ не полной достовѣрности, относительной и слабой увѣренности могутъ быть только менѣе настойчивыя желанія, желанія относительныя. Но сильныя желанія требуютъ полной вѣры въ свое немедленное и полное удовлетвореніе. Вотъ почему необходима заработка плата и будетъ необходима до тѣхъ порь, пока большинство рабочихъ не будетъ имѣть сбереженій въ достаточномъ количествѣ, чтобы они могли ожидать продажи продуктовъ своего труда. Впрочемъ, косвенно и вообще заработка плата всегда

пропорціональна или стремится быть пропорціональной барышамъ. Въ странѣ винодѣлія, заработка плата повышалась до філоксеры; теперь она понижается, хотя трудъ остался такимъ же тяжелымъ, какимъ и былъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и вездѣ, рабочіе участвовали не только въ барышѣ, но и въ убыткахъ; и это будетъ всегда такъ, но только съ двумя исключеніями, а именно: участіе рабочихъ въ убыткахъ не коснется *минимальной* заработной платы, которую фальшиво называютъ естественной платой; участіе же ихъ въ прибыли не будетъ въ ущербъ привилегіямъ предпринимателя, который, подвергаясь большимъ опасностямъ и кромѣ того совершенно справедливо считая свой трудъ производительнейшимъ среди труда рабочихъ, долженъ получить исключительную долю и въ барышахъ. Безъ первого исключенія никто не захочетъ быть рабочимъ, безъ второго никто не будетъ предпринимателемъ. Соответствіе между желаніемъ и вѣрой и обратно, чemu я представлялъ уже столько примѣровъ, поясняетъ это безъ всякихъ затрудненій".

"Теперь ясно въ чемъ цѣна принудительная, фатальная, разнится отъ справедливой, желаемой. Первая, опредѣляемая чистымъ эгоизмомъ (свободнымъ, по предположенію, отъ всякаго безкорыстнаго чувства) продавца или покупателя, рабочаго или хозяина, который можетъ ставить свой законъ, зависитъ отъ психологического взвѣшиванія, при которомъ нужно уравновѣсить количество желаній и увѣренностей, представляемыхъ однимъ и тѣмъ же индивидуумомъ. Вторая, опредѣляемая чистымъ безкорыстиемъ фиктивнаго зрителя, получается отъ взвѣшиванія количества вѣры или желанія, присущаго нѣсколькимъ отдѣльнымъ лицамъ. Рѣшить эту задачу гораздо труднѣе, чѣмъ первую, ибо нужно сравнивать и измѣрять чувства или группы чувствъ не только *чуждыя* (зрителю), но и ощущаемыя *чуждыми* индивидуальностями, и разомъ перешагнуть черезъ двойную пропасть *чуждости* лицъ и чувствъ. Слѣдовательно, не должно удивляться, если понятіе справедливой цѣны, не смотря на горячія усиленія, которыя были на него потрачены, осталось темнымъ. Но было бы еще удивительнѣе, еслибы, не смотря на эту темноту, это понятіе совсѣмъ не отвѣчало ничему реальному. Если оно имѣть нѣчто твердое въ своей основѣ, если человѣческая совѣсть въ поискахъ этого понятія не обманывается, то нѣть сильнейшаго аргумента въ пользу нашей главной идеи".

Заключимъ эту главу замѣчаніемъ, что экономической прогрессъ обществъ постоянно подкрѣпляетъ значеніе нашей психологической точки зрѣнія. Крупная индустрія, усовершенствованное производство должно предвидѣть нужды будущаго потребленія, а

не ждать терпѣливо, по обычаю мелкихъ фабрикантовъ, прямого заказа покупателя. Промышленный прогрессъ обязываетъ предпринимателя быть смѣлымъ и со вниманіемъ принимать въ разсчетъ самыя незначительныя степени своей увѣренности въ размѣрахъ и напряженности будущихъ желаній потребителя. Предприниматель долженъ тысячу разъ всходить и сходить по громадной лѣстницѣ, ведущей отъ сомнѣнія къ положительной или отрицательной увѣренности, по лѣстницѣ, на которой только послѣдняя ступень, полная увѣренность, извѣстна мелкимъ фабрикантамъ. Еслибъ современный фабриканть требовалъ увѣренности, прежде чѣмъ пускаться въ дѣло, его бы также легко опередили соперники, какъ и современного философа или ученаго, который руководился бы такими же требованіями. Въ философіи нужно создавать гипотезы, въ наукѣ нужно прибѣгать къ индукціи, въ торговлѣ рисковать. Человѣкъ, который въ результатѣ своей дѣятельности хочетъ имѣть наибольшую обеспеченность, долженъ довольствоваться тѣмъ меньшей обеспеченностью въ теченіи этой дѣятельности" *).

"Это еще не все; характеръ прогрессивной промышленности таковъ, что она не ограничивается удовлетвореніемъ общихъ потребностей, которыя практически можно считать безпредѣльными, но она работаетъ также съ цѣлью отвѣтить на невѣрныя требованія слабѣйшихъ желаній, все болѣе и болѣе поверхностныхъ, капризныхъ и измѣнчивыхъ. Но тоже, что въ промышленности, является и въ морали, и въ наукѣ. Прогрессъ въ нравственности обнаруживается въ возрастающемъ значеніи полу—обязанностей, а прогрессъ въ наукѣ обнаруживается возрастаніемъ значенія индуктивного метода".

"Всего труднѣе предвидѣть менѣе сильныя желанія. По этому ходу цивилизаціи заставляетъ фабрикантовъ довольствоваться минимумомъ увѣренности въ полезности предметовъ, долженствующихъ отвѣтить на минимумъ желанія".

"Увеличивающееся распространеніе бумажныхъ денегъ, вся цѣнность которыхъ зависитъ отъ акта вѣры, подкрѣпляетъ эти соображенія **). Быть можетъ не далекъ день, когда не только меж-

*) Со временемъ, прогрессъ статистики, приложенной къ размѣру различныхъ потребленій, послужитъ для промышленника основаніемъ въ разсчетѣ вѣроятностей и уменьшить его рискъ.

**) "Все зданіе нашей громадной торговли, говоритъ Стенли Джевонсъ, основано на томъ предположеніи, что, *вѣроятно*, торговцы и другие вкладчики банковъ не испытываютъ внезапнаго и общаго желанія получить только одну двадцатую часть золотой монеты, которую они

ду областями одного государства, но и между государствами крупные банковые билеты окончательно порвутъ послѣднюю номинальную связь своихъ вассальныхъ отношеній къ благороднымъ металламъ, отъ которыхъ они будто бы заимствуютъ свою силу. Тогда станетъ ясно, что довѣріе есть источникъ цѣнности. По этому, быть можетъ, порча монетъ, благодаря невѣжеству, столь обыкновенная въ прошедшемъ, вслѣдствіе того же самаго невѣжества, которое всегда поддерживало прежнюю вѣру въ испорченную монету, не влекла тѣхъ важныхъ мгновенныхъ потрясеній, которыя она вызвала бы теперь".

(Продолжение смысуетъ).

имѣютъ право получить по своему первому требованію во всякое мгновеніе днія, когда открыты банки". Вѣроятность очень сильная, т. е. очень сильная увѣренность; и она то, значитъ, и есть основа торговли.